

Dohnal, Josef

Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1769)

In: Dohnal, Josef. *Русская литература XVIII века. Избранные тексты I, Хрестоматия*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2013, pp. 73-109

ISBN 978-80-210-6495-9; ISBN 978-80-210-6498-0 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/128727>

Access Date: 20. 03. 2025

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Василий Кириллович Тредиаковский

(1703–1769)

В. К. Тредиаковский был хорошо ознакомлен с европейской литературой. Некоторые произведения он сам перевел на русский язык. Назовите хоть одно произведение, которое появилось в XVIII веке в переводе Тредиаковского на русском языке.

В творчестве В. К. Тредиаковского переплетаются темы «серьезные» с темами более личными. Как и многие другие писатели, он уделял значительное внимание личности Петра I. Что именно писатель оценивает в деятельности Петра I?

XVIII век представляет собой эпоху довольно интенсивного столкновения веры и разума. «Феоптия» является свидетельством именно такого текста. Как решает Тредиаковский конфликт веры и для классицизма характерной рационалистической тенденции?

В стихах В. К. Тредиаковского мы можем найти и более сокровенные темы; в которых ниже приводимых стихотворениях они получают выражение?

«Новый и краткий способ к сложению российских стихов...» является одним из наиболее ярких примеров поисков подходящей теории стихосложения, соответствующей русскому языку. Вы сумеете определить, в чем отличаются взгляды Тредиаковского от Ф. Прокоповича и А. Д. Кантемира?

ЭЛЕГИЯ О СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ах! знать Россия плачет в многолюдстве гласно!
Где ж повседневных торжеств, радостей громады?
Слышь, не токмо едина; плачут уж и чады!
Се она то мещется, потом недвижима,
Вопиет, слезит, стенет, в печали всем зрима.
„Что то за причина?“ — лишь рекла то Вселенна.
Летит, ах горесть! Слава весьма огорченна,
Вопиет тако всюду, но вопиет право,
Ах! позабыла ль она сказывать не здраво?
О когда хоть бы в сем была та неверна!
Но вопиет, вопиет в печали безмерна:
„Петр, ах! Алексиевич, вящий человека,
Петр, глаголю, российский отбыл с сего века“.
Не внушила Вселенна сие необычно,
Ибо вещала Слава уж сипко, не зычно.
Паки Слава: „Российский император славный,
Всяку граду в мудрости и в храбрости явный.
Того правда, того милость тако украсила,
Чтоб всю тебя Вселенну весьма удивила.
Кто когда во искусстве? кто лучший в науке?
Любовь ко отечеству дала ль место скуке?
Что же бодрость? Что промысл? Православна вера?
Ах! не имам горести ныне я примера!“
Паче грома и молнии се Мир устрашило,
И почитай вне себя той весь преложило.
Но по удивлению в незапной причине,
Со стенанием в слезах Вселенная ныне:
„Увы, мой Петре! Петре, верх царския славы!
Увы, преддрагоценный! О судеб державы!
Увы, вселенная ты едина доброта!
Увы, моя надежда! тяжка мне сухота!
Увы, цвете и свете! увы, мой единый!
Почто весьма сиру мя оставил, любимый?

Кто мя, Вселенну, тако иный царь прославит?
Кто толики походы во весь свет оставит?
Всюду тебе не могла сама надивиться,
Но уже Петр во мне днесь, Петр живый, не зрится!
Ах, увяде, ах, уже и сей помрачися!
Праведно, Россия, днесь тако огорчися“.
Се бегут Паллада, Марс, Нептун, Политика,
Убоявшеся громка Вселенныя крика.
„Что тако, — глаголют, — мати, ты затела?“
Но Паллада прежде всех тут оцепенела,
Уразумевши, яко Петра уж не стало;
Петра, но российска: „Ах! — рече, — все пропало“.
Падает, обмирает, власы себе комит,
Все на себе терзает, руки себе ломит,
Зияет, въздыхает, мутится очима,
Бездыханна, как мертва не слышит ушима,
Всех чувств лишенна, мало zde в себе приходит,
Тихо, непостоянно, так гласом заводит:
„Мое солнце и слава! моя ты Паллада!
Куды ныне убегла? до коего града?
Я прочих мудрости всех мною наставляла;
А тебя я сама в той слышати желала.
О премудрый Петре! ты ль не живещи ныне?
Кая без тебя мудрость оставится в чине?
Плачь, винословна, плачи, плачь, Философия,
Плачьте со мною ныне, науки драгие.
Стени, Механика, [и] вся Математика,
Возопий прежалостно и ты, Политика.
По тебе плакать будет в своем свое время,
Оставь мя ныне мое оплакать зол бремя.
Плачь со мною, искусство, но плачи чрезмерно:
Оставил нас Петр, что я узнала, ей, верно.
Ах! покинул всех нас Петр, мудростей хранитель,
Своего государства новый сотворитель“.
Марс: „Не о российском ли, мати, Петре слово,
Нарицаемом Марсе во всем свете ново,
Ему же в храбрости я не могу сравниться,

Разве только сень его могу похвалиться?“
 Сказала Вселенна — Марс завопил жестоко,
 Пал было, но встал зараз, на небо взвел око:
 „О небесни! небесни! и вы зависть взяли,
 Что толика прехрабра у земных отняли;
 Большу же мне нанесли ныне вы обиду,
 Попротивился бы вам без почтенна виду.
 Но отдайте мне Петра, Петра в мощных славна,
 В храбрости, в бодрости и в поли исправна“.
 В большу пришед Марс ярость, кинув шлем и саблю;
 „Дела, — рече, — храбра я один не исправлю.
 О Петре! Петре! Петре! воине сильный!
 При градех, и во градех, и в поли весь дивный.
 Возвратись, моя радость, Марсова защита:
 Марс не Марс без тебя есмь, ах! но волокита.
 Увы, мой Петре! како возмогу стерпети
 Тебе не сущу, в слезах чтобы не кипети?
 Вем, что не должно храбру, но быти не можно,
 Егда вем, яко уснул ныне ты не ложно.
 Уснул сном, но по веках возбнуться имущим;
 Уснул сном, но нам многи печали несущим.
 Впрочем, пойду скитаться, лишившись клеветра,
 Оплачу Петра, всегда землю одета“.
 Починает по том здесь Политика стужна
 Рыдати не инако как жена безмужна:
 „Дайте, — глаголет, — плачу моему место, други,
 Не могу бо забыти Петра мне услуги.
 Кто ин тако первее скрасил Политику!
 Кто меня в конец достигл толь весьма велику?
 Рассмотрил, ввел, пременил, укрепил он нравы,
 Много о том глаголют изданные правы.
 Но, о! и его правивш, Боже ты державный!
 Почто мне Петра отнял? тем подал плач главный.
 Я толику на него надежду имела,
 Чтоб воистину в первом месте уж сидела
 Предо всеми; но твоя то божия сила,

Хотя сия причина весьма мне не мила“.
Се под Нептуном моря страшно закипели,
Се купно с ветры волны громко заревели!
Стонет Океан, что уж другого не стало
Любителя. Балтийско — что близко то стало
Несчастье при берегах. Каспийско же ныне
Больше всех, что однажды плавал по нем сильне.
Всюду плач, всюду туга презельна бывает,
Но у Бога велика радость процветает:
Яко Петр пребывает весел ныне в небе,
Ибо по заслугам там ему быти требе.

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0100.shtml

СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее доброты
Мыслить умом есть много охоты.

Россия-мати! Свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо Российску ты Солнце ясно!

Красят иных все златые скиптры,
и драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украсила,
и лицом светлым венец почтила.

О благородстве твоём высококом
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство.

В тебе вся вера благочестивым,
К тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойня,
К тебе не смеют приступить злые.

Твои все люди суть православны
и храбростию повсюду славны;
Чада достойны таковой матери,
Везде готовы за тебя стати.

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
и Россияне коль громко плещут:
Виват Россия! виват драгая!
Виват надежда! виват благая.

Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне языков надобно б было
Прославить все то, что в тебе мило!

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0010.shtml

ФЕОПТИЯ

Невидимая бо его от создания мира
 твореньми помышляема, видима суть,
 и присносущная сила его и божество, во еже быти
 им безответным.
 К римлянам. Глава 1, ст. 20

ЭПИСТОЛА I

Сею эпистолюю предполагается, первое, что есть мир, которого о бытности основательно сомневаться никто не может и что сей мир благолепно устроен. Второе, что в совершенствах его зрятся пределы как превесьма в сложном и, следовательно, не необходимым, не вечном, и всеконечно таком, который мог не быть. Третье, что слепый случай, или припадок, как не имеющий разума и избрания, не мог произвести состав толь благоучрежденный. Все сие доказывает, что сей мир произведен таким существом, которое имеет бесконечную премудрость, благость и всемогущество: а сие существо и есть то, что именуется бог. Сверх того, разум наш, понимая бога и творца превечного и всесовершенного, не зрит никакия прекословныя невозможности в том понятии, но, напротив того, и сам он собою показывает такого и толикого бога и целость с порядком всего мира, и в животных пол различный, и, напоследок, общее согласие всех веков и всех повсюду народов, коль ни разных и друг другу, коль ни сопровтивных во всем прочем, признает преверьховного бога; да и самая безопасность, в рассуждении будущего века, повелевает лучше верить <в> бога, нежели не верить.

Прокляни, Евсевий, нечестивых слепоту:
 Сии, видя мира благодстройну лепоту,
 Не хотят усмотревать ту ему подавша
 и всемощию своим велий свет создавша.
 Мрака их храниться не бывай слаб никогда;
 Толь безверных мнений пагубна есть тьма всегда.
 Виждь и проповедуй зря первое начало:
 Следом действия его в бытность всё восстало.

Неисчетны миры по всемудрию бог знал,
Но состав сей точно благостию предызбрал.
Всё хранит, всем правит сам: будем же покорны
Изволениям святым, а не богоборны.

Вся тварь возвещает самобытного творца,
Безначальна прежде, суща после без конца;
и в себе того ж всегда, и преудобренна,
Всем владыку, ни чией длани покоренна;
Всяческим подавша естество и бытие,
А собой имуща по вседолгу обое.
Показует нам его сама вещь малейша:
Ясность истины сея солнца есть светлейша.
Всё являет бога, в веществе что купно есть,
Зримо и незримо, коему число сам весть.
Верно кажет общий круг мыслей сверх обширный,
Что зиждитель есть ему и что сей премирный.
Всё его ж являет развиваясь, что цветет
И, приятну зелень различая толь, растет.
Все, что, с чувствием дыша, ходит иль летает,
Ползает, или себя, плавая, питает.
Самый из животных, двусоставный человек,
Провождая в мире, миру как бы царь, свой век
и составом дивным всем собственного тела,
Зная сам, что вещь сия не его есть дела,
и союзом оным, дивнейшим еще, ума,
Кой, с тем сопряженный, сведом о себе весьма,
Человек, я говорю, весь являя бога,
Проявляет, что Его и Премудрость многа;
Так что бесконечно совершен есть бог един,
и причина перва к действию вторых всех вин.

Разум, здраво мысль свою внутрь производящий,
и в познании таком достодолжно бдящий,

и не ослепленный грубых заблуждений тьмой,
 Весь в природном свете пребывающий с собой,
 Гнусными ниже страстями сердца восхищенный,
 Ни пороками, ни злом скотства развращенный.
 Не возможет тотчас бога жива не познать,
 А безбожных мыслей из среды той не изгнать;
 Он понятие в себе божества имеет,
 Кое и довольным толь называть он смеет,
 Что им познавает совершенств всех существо
 и что в нем вседолжно бытность купно естество
 Заключает потому, что бог есть превечный;
 Что как безначальный сей, так и бесконечный,
 Что различен с миром, и не то что вещный свет:
 Бог простой, мир сложный купно мог и быть и нет.

О! вы, кои, буйно мчась в дерзости проклятой,
 Страхом совести, ниже правдою за пятой,
 От святых святого внутренния силы взгляд
 Отвращая смело, изрыгаете ваш яд;
 Говорите, что сей мир, с чином, с красотою,
 Вечен состоит и есть искони собою;
 Тьма ль вас прегустая, беззаконий ли всех сласть,
 Гордость ли безумна, затвердела ль коя страсть
 К утверждению сему побуждает ложну,
 и не токмо полну лжи, но и невозможну.
 Рассмотрите, можно ли от доводов устоять
 и еще упорно лжею адскою зиять;
 Можно ль, коль бы вам во мрак слепо ни стремиться,
 Чтоб от истинных зарей в том не просветиться:
 Разве вы нарочно восхотите затворить
 Очи внутрь душевны, света б правды вам не зрить.
 Инако преодолеть нельзя всем предлога,
 Кой доказывает вам присносущна бога,
 Разного от мира, миру здателя сему,
 Всяких благ начало и виновника всему.

Действом ныне вещи суть есть и пребывают,
Но что действом суть теперь, то предполагают
Нечто бывше прежде от превечности всея,
Для действительный бытности так своя:
Инак иль от Ничего, иль собой предстали.
Может что ж безместней быть, если б вы сказали,
Что Ничто пустое вещи все произвело,
В коем сил и средств никаких быть не могло?
Как им быть и от себя, всем вельми пресложным
и к небытию притом всячески возможным?
Посему превечно сотворило существо,
В коем не собою не могло быть естество;
и сие ж то обще мы называем богом,
В почитании творца всяческих премногом.

Человечь ум сведом, что он есть и состоит,
Совершенств от смысла многих добрых не таит,
Коих сам в себе тогда ж внутрь не обретает,
Об изрядстве их хотя достоверно знает.
От сего ль не ясно, что не от себя ум есть,
и другой, что должен в бытность онога извездь?
Если существо возмог сам себе дать делом,
Без сомнения б уж он, в том господстве смелом,
Понимаемые совершенства дал себе:
С ним никто об оных не был бы отнюдь в борьбе;
Сам же, с большее возмогшь, дать себе ту бытность,
Меньшого б не положил для себя в забытность,
Произвел бы оны совершенства в красоту
и чрез те б умножил собственную высоту.
и когда б ум стал собой, то б не союзился
С телом человечесим он: в тело б не вдрузился,
В коем терпит много беспокойств и невыг_о_д;
С час терпеть бы сии не всхотел, не с век, не с год.
Положите ж: волей сам тот союз имеет,

Как же волею раздрать он уж не умеет?
Человечь ум сделан, следовательно, другим.
Но другой сей здатель, сотворен наш ум каким,
Мог себе дать бытие всячески собою
и свою быть всегда собственно судьбою.
Кто сам быть вседолжно с вечности всея возмог,
Нами тот преславно нарицаемый есть бог.

...

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0160.shtml

ПЕСЕНКА ЛЮБОВНА

Красот умильна!
Паче всех сильна!
Уже склонивши,
Уж победивши,
Изволь сотворить
Милость, мя любить:
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ну ж умилися,
Сердцем склонися;
Не будь жестока
Мне паче рока:
Сличью обидно
То твому стыдно.
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Так в очах ясных!
Так в словах красных!
В устах сахарных,
Так в краснозарных!
Милости нету,
Ниже привету?
Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая.

Ах! я не знаю,
Так умираю,
Что за причина
Тебе едина
Любовь уносит?
А сердце просит:
Люби, драгая,
Мя поминая.

ПЛАЧ ОДНОГО ЛЮБОВНИКА, РАЗЛУЧИВШЕГОСЯ С СВОЕЙ МИЛОЙ, КОТОРУЮ ОН ВИДЕЛ ВО СНЕ

Ах! невозможно сердцу пробыть без печали,
Хоть уж и глаза мои плакать перестали:
Ибо сердечна друга не могу забыть,
Без которого всегда принужден я быть.

Но, принужден судьбою или непременною,
и от всея вечности тако положенной,
Или насильно волей во всем нерассудной,
и в порыве склониться на иное трудной.

Ну! что ж мне ныне делать? коли так уж стало?
Расстался я с сердечным другом не на мало.
Увы! с ним разделили страны мя далеки,
Моря, леса дремучи, горы, быстры реки.

Ах, всякая вещь из глаз мне его уносит,
и кажется, что всяка за него поносит
Меня, сим разлученьем страшно обвиняя,
и надежду, чтоб видеть, сладку отнимая.

Однак вижу, что с ними один сон глубоки,
Не согласился; мнить ли, что то ему роки
Представлять мила друга велели пред очи
и то в темноту саму половины ночи!

Свет любимое лице! чья и стень приятна!
и речь хотя мнимая в самом сне есть внятна!
Уже поне мне чаще по ночам кажися
и к спящему без чувства ходить не стыдися.

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0080.shtml

СТИХИ, НАУЧАЮЩИЕ ДОБРОНРАВИЮ ЧЕЛОВЕКА

Отдавай то все творцу, долг что отдавати;
Без рассудка ж ничего ти б не начинати.
Токмо с добрыми людьми в жизни сей дружися;
А таланты чрез твои никогда не льстися.
С мнением других всегда будь согласен прямо;
Никогда в твоём стоять не изволь упрямо.
Внятно слушай, что тебе люди предлагают;
Больше умным не кажись, нежели ты знают.
С тем о том не говори, смыслит кто что мало,
Проста сердца быть тебя речь и все б казало.
Слово данное держи, было б как ни трудно;
Ничего ж не обещаи вдруг и нерассудно.
Будь услужен, будь и тих, ласков в разговоре;
Всех приятно принимай, был никто б в презоре.
Дерзостно не будь знаком, обходися ж смело;
Не размыслив, не вступай ни в какое дело.
Без корысти всех люби, а прощай без мести;
Низок будь большим, себя ж подлым не бесчести.
Дружен всем старайся быть, дружно поступая,
Тяжбы никогда ни с кем сам не зачиная.
Не проведывай никак, что чинят другие;
Просто крой дела твои, чтоб не знали злые.
Рассмотря, давай займы, только ж добровольно;
Если надо наградить, награждай довольно.
И каким бы ни хотел образом ты быть,
Быть без лишка, и себя б в том не позабыти.
Страждет кто твой друг напасть? — Сожалей безмерно;
В друге всяк порок сноси, всё будь другом верно.
Побеждай печаль, как дух оной поддается,
Не вини в той никого, та как и минется.
Учинить старайся мир, ссоры где злодейство;
Инак и не отмщевай, как чрез благодейство.

Жарко не жури людей и хвали не льстивно,
Мерно смейся над людьми, смех терпи взаимно.
Каждя в ремесле своем чти ты без упрямства;
Также ничего не хуль одного для чванства.
Благодетельством твоим худо попрекати;
Лучше оное всегда вовсе забывати.
Нуждну другу помогай, тот хоть и не просит;
Кто дарит не так, как мот, щедра имя носит.
Пылка гнева угашай жар и ненасытность;
Говори добро всегда в чью-либо небытность.
Благодарность бы была в сердце ти природно;
Для забавы хоть играй, только ж благородно.
Мысля, мало говори, обмануть не тщися;
Что б ти ни было дано, тем всегда хвалися.
Должника не мучь, как он к плате неисправен;
Для себя и для него всё будь добронравен.
Ближних счастья твоих не завидуй цвету;
Вверенное так храни, чтоб не вынести свету.
Крой, не чваняся ничем, тайну ти искусно,
Презирай по сем, как лгут про тебя что гнусно.

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0090.shtml

ПАСТУШОК ДОВОЛЬНЫЙ

Мал пастух и не богат,
Только ж знает то в нем душка
Сколько счастлив он и рад,
Тем, что есть своя пастушка.

Он трудится день и ночь,
Все труды ему игрушки,
Всяка тягость мнится в мочь
Для любимыя пастушки.

С поля идучи домой,
Он спешит к своей избушке,
Что-нибудь несет домой,
То, вошед, дарит пастушке.

О здоровье преж всего
Спрашивают дружка дружку,
И не больше та его,
Сколько он свою пастушку.

Стол их всяк вточь оценит
С небольшим одной полушкой,
Как же он обильный мнит?
Вкупе ест за ним с пастушкой.

Все его богатство есть,
Весь покой, как на подушке,
Вся приятность, радость, честь
Только в вернейшей пастушке.

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0090.shtml

НОВЫЙ И КРАТКИЙ СПОСОБ К СЛОЖЕНИЮ РОССИЙСКИХ СТИХОВ С ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ ДО СЕГО НАДЛЕЖАЩИХ ЗВАНИЙ

ВСЕМ ВЫСОКОПОЧТЕННЕЙШИМ ОСОБАМ,
ТИТУЛАМИ СВОИМИ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНЕЙШИМ,
В РОССИЙСКОМ СТИХОТВОРСТВЕ ИСКУСНЕЙШИМ
И В ТОМ ОХОТНО УПРАЖНЯЮЩИМСЯ,
МОИМ МИЛОСТИВЕЙШИМ ГОСПОДАМ

Высокопочтеннейшие господа!

Не без основательной причины новый сей и краткий мой способ к сложению российских стихов вам покорнейше приписываю. Правил, которые в нем я положил и по силе которых не прямыми называю стихами старые паши стихи, кому лучше, как вам, искуснейшим, рассмотреть надлежит правость? А охотно в том упражняющиеся несколько стихов здесь, доныне в России невиданных, в пример себе найти могут и оные употребить, буде за благо рассудят им следовать, к своей пользе.

Вас, искуснейших, ежели правила мои не правы или к стихотворству нашему не довольны, нижайше прошу и купно исправить, и купно оные дополнить; но в том упражняющиеся чрез них же повод возымеют тщательнее рассуждать, и стихи наши, чрез свое рассуждение, от часу в большем совершенстве в российский свет издавать: одним же и другим вам не не полезен правилами моими быть уповаю, что одних вас и других новостию возбужду либо старые наши стихи освидетельствовать и, по правде ли те носили имя стихов доныне, разыскав, уведать.

Сие есть мое намерение, в сем новом и кратком способе к сложению российских стихов, который, как достойнейшим вам, в честь вашу посвящаю; как благоразумнейшим в исправление отдаю; но как во всем, так либо и в сем, правду любящим, в покров и защиту вручаю; не больше, поистине, малую и весьма недействительную искру моего ума показать хотевший, коль вам и услужить, и вас глубочайше тем почтить желающий, высокопочтеннейшие господа, ваш покорнейший и нижайший слуга.

В. Тредиаковский.

Est deus in nobis, agitanle calescimus illo,
Impetus hic sacrae semina mentis habet.

Ovidius Lib. 6. Fastorum.

То есть:

Стихотворчеству нас бог токмо научает,
И святыи охоту в нас пламенну рождает.

Овидий в кн. 6 о Фастах

В поэзии вообще две вещи надлежит примечать. Первое: материя, или дело, каковое пиита предприемлет писать. Второе: версификацию, то есть способ сложения стихов. Материя всем языкам в свете общая есть вещь, так что никоторый оную за собственную токмо одному себе почитать не может, ибо правила поэмы эпической не больше служат греческому языку в Гомеровой «Илиаде» и латинскому в Virgiliевой «Энеиде», как французскому в Вольтеровой «Генриаде», итальянскому в «Избавленном Иерусалиме» у Тасса, и аглинскому в Мильтоновой поэме о потереянии рая. Но способ сложения стихов весьма есть различен по различию языков. и так автор славенской грамматики, которая обще называется большая и Максимовская, желая наше сложение стихов подобным учинить греческому и латинскому. так свою просодию количественную смешно написал, что, сколько раз за оную ни примешься, никогда не можешь удержаться, чтоб не быть, смотря на оную, смеющимся Демокритом непрестанно. Ежели б он тогда рассудил, что свойство нашего языка того не терпит, никогда б таковой просодии не положил в своей грамматике.

Другие в сложении наших стихов донине правильнее поступали, некоторое известное число слогов в стихе полагая, пресекая оный на две части и приводя согласие конечных между собою слогов. Но и таковые стихи толь недостаточны быть видятся, что приличнее их называть прозою, определенным числом идущею, а меры и падения, чем стих поется и разнится от прозы, то есть от того, что не стих, весьма не имеющею. Того ради за благорассудилось, много прежде положив труда к изобретению прямых наших стихов, сей новый и краткий способ к сложению российских стихов издать, которые и число слогов свойственное языку нашему иметь будут, и меру стоп с падением, приятным слуху, от чего стих стихом называется, содержать в себе имеют. Буде ж каковой недостаток и в сем найдется, то покорно просятся благоразумные и искусные люди, чтоб объявить то Российскому собранию, которое всячески потщится или сомнения

их в рассуждении стихов разрешить, или недостатки, находящиеся в сих новых, исправить, с возможным за таковое их приятство благодарением.

А понеже в сложении российских стихов также две вещи должно знать, то есть свойственное звание, при стихе употребляемое, и способ, как слагать, или сочинять, стих; того ради свойственные при стихе звания определениями объявятся, а на способ к сложению стиха кратчайшие и ясные правила положатся.

И тако:

О п р е д е л е н и е I

Чрез *стих* разумеется всякая особливо стиховная строка, что у латин называется *versus*, а у французов: *vers*.

О п р е д е л е н и е II

Чрез *слог*: двух или многих согласных письмен, с каковым-нибудь гласным или двугласным сложенных; или одного гласного или двугласного одним и тем же временем, без всякого разделения, уст с языком движение. у латин *слог* называется *syllaba*, а у французов: *syllabe*. Полагается, что письмена и оных разделение всякому ведомы из грамматики; однако *письмя* по-латински именуется *littera*, а по-французски: *lettre*.

О п р е д е л е н и е III

Чрез *стопу*: мера, или часть стиха, состоящая из двух у нас слогов; что у латин называется *pes*, а у французов: *ped*.

О п р е д е л е н и е IV

Чрез *полстишие*: половина только стиха, в героическом из семи слогов состоящая, и то первая; а вторая из шести. Сие у латин с греческого называется *hemistichium*, а у французов: *hémistiche*.

О п р е д е л е н и е V

Чрез *пресечение*: разделение стиха на две части, первое полстишие всегда, чтоб хорошим быть стиху, долгим слогом кончащее. Но чрез долгий слог в российском стихотворстве разумеется тот, на который просодия, или, как говорят, сила ударяет. и тако в речении сем: *слагáю га* есть долгий слог, а *сла* и *ю* короткие. Пресечение латины называют *cesura*, а французы: *césure*, или: *repos*.

КОРОЛЛАРИЙ 1

Отсюда следует, что все речения односложные не могут быть, как токмо долгие. Долгота и краткость слогов у латин называется *quantitas*, а у французов: *quantité*, или *longueur et brièveté des syllabes*.

КОРОЛЛАРИЙ 2

Того ради чрез сие всяк ясно выразуметь может, что долгота и краткость слогов, в новом сем российском стихосложении, не такая разумеется, какова у греков и у латин в сложении стихов употребляется; но токмо *тѳническая*, то есть в едином ударении голоса состоящая, так что, сколь греческое и латинское количество слогов с великим трудом познавается, столь сие наше всякому из великороссиан легко, способно, без всякой трудности и, наконец, от единого только общего употребления знать можно; в чем вся сила нового сего стихосложения содержится.

КОРОЛЛАРИЙ 3

Итак, стопы, имеющие составлять новый наш стих, как то в правилах объявится (из которых приемлется мною на то, называемая обыкновенно спондей, который состоит из двух долгих слогов и которого есть знак сей: — —; так же и пиррихий, который состоит из двух коротких слогов и которого есть знак сей: ˘ ˘; хорей или трохей, который состоит из одного долгого и другого короткого слога и которого есть знак сей: — ˘; напоследок иамб, который состоит из одного короткого, а другого долгого слога и которого есть знак сей: ˘ —), должно разуметь по силе и разумению, положенном во втором королларии.

О п р е д е л е н и е VI

Чрез *рифму*: не число, но согласное окончание двух стихов между собою, состоящее из тех же самых письмен, или из разных, токмо подобного звона, чувствуемое всегда лучше в предкончаемом, или иногда в кончаемом слоге стиха. Сие у латин никакого имени не имеет, понеже их стихи согласно между собою не кончатся; но во французской поэзии, которая вся та ж, что и наша, кроме некоторых не малых околичностей, называется то: *rimé*.

О п р е д е л е н и е VII

Чрез *перенос*: не окончившийся разум в одном целом стихе и перенесенный в часть токмо следующего стиха, а недо самого его конца продолжающийся. Латины часто так переносят: понеже их стихи рифм не имеют, того ради им нет нужды, чтоб последние слоги другого стиха полною меры равностию, в рассуждении первого стиха, и тем же бы звоном чувствуемы были. Но французы сей порок стихов называют: *enjambement*, то есть: перескок.

О п р е д е л е н и е VIII

Чрез *падение*: гладкое и приятное слуху чрез весь стих стопами прехождение до самого конца. Что чинится тем, когда первый слог всякой стопы долгий есть, а по крайней мере нескольких в стихе стоп, или когда одно письмо часто не повторяется, или когда стопа за стопу вяжется, что самое не делает стих прозаичным. Падение латины, в рассуждении их поэзии, называют *cadentia*; а французы в рассуждении своей: *cadence*.

О п р е д е л е н и е IX

Чрез *слитие*: когда речение кончится на *и* краткое тако: *й*, а другое начинается чрез то ж письма, тогда краткое *и* не выговаривается и как бы съедается, и с другим тем в одно место сливается. Например:

Каждый имеет счинять кто стихов любитель.

Произносится тако:

Кажды имеет счинять, и проч.

Латины сие называют *elision*, а французы: *elision*.

П р и б а в л е н и е

Российские стихи должны иметь или рифму непрерывную, или рифму смешенную. Рифма непрерывная называется тогда, когда окончанию первого стиха второй имеет подобное. Рифма смешенная бывает тогда, когда согласное окончание первому стиху кладется чрез стих или два, а в случай и чрез три, буде строфа нечетку стихов содержит. Рифму непрерывную французы называют: *rime suivie*, а смешенную: *rime mêlée*.

Изъявив званий знаменования, приступаю к объявлению того, каков героический российский стих быть долженствует, и всё что до красоты сего стиха касается, также и чем оный порочен бывает.

П р а в и л о I

Стих героический российский состоит в тринадцати слогах, а в шести стопах, в первой стопе приемлющий *спондея* — —, *пиррихия* —, *хорея*, или инако *трохея* — —, *иамба* — —; во второй, третьей (после которой слогу пресечения долготу надлежит быть), четвертой, пятой и шестой также. Однако тот стих всеми числами совершен и лучше, который состоит токмо из хореев или из большей части оных; а тот весьма худ, который весь иамбы составляют или большая часть оных. Состоящий из спондеев, пиррихийев или из большей части оных есть средней доброты стих. Но что в тринадцати состоит слогах, тому причина: употребление от всех наших старых стихотворцев принятое. в пример тому будь стих первый из первой сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, без сомнения главнейшего и искуснейшего пииты российского.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
ум	толь	сла	бый	плод	тру	дов	крат	ки	я	на	у	ки.

КОРОЛЛАРИЙ

Следовательно, новый наш стих составляется токмо из стоп двусложных, для того что оный имеет в себе определенное некоторое еще число слогов; а трисложных дактилического рода (как то бывает в греческом и латинском стихе, потому что греческий и латинский стих, имея только определенное число стоп, не имеет определенных в себе слогов, так что иной их стих больше, а иной меньше слогов, в рассуждении одного стиха с другим, содержит) принять никак не может

П р а в и л о II

Стих героический долженствует разделен быть на два полстишия, из которых бы первое состояло из семи слогов, а другое из шести. Причина тому понеже стих имеет тринадцать слогов, то которому-нибудь полстишию надлежит иметь семь слогов. Но самый разум сказывает, что первому из семи состоять пристойнее, для того что в начале у читающего дух бывает крепчайший и больший, а к концу слабейший. в пример беру вышеобъявленный же стих

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
ум	толь	сла	бый	плод	тру	дов	крат	ки	я	на	у	ки.

П р а в и л о III

Стих героический должен иметь пресечение на седмом слоге так, чтоб тот седмой слог кончил речение и он же бы был долгий. Причина тому: понеже мера духа человеческого требует того, для того что ежели бы одним духом читать, то бы не громок звон был рифмы при конце, и так же, все бы одним звоном гóлоса надлежало весь стих читать; а сие бы неприятным весь стих учинило, что искусством всякому легко можно познать. Но когда в два приема стих читается, то весьма он приятен кажется, и духом всякий слог ясно выражается. Чего ж бы ради оный седмой слог кончил речение и для чего бы ему долгому надлежало быть, то причина есть сия: ибо что на седмом слоге несколько надлежит отдохнуть, то явно, что на неоконченном худо бы было; но долгий долженствует для того быть, потому что на нем голос несколько возвышается, а следующее полстишие нижайшим голосом начинается. Французы в прочитании стихов весьма искусны; но сказывают, что не уступят им в том персиане, арапы и турки. О дабы между нами сие в обычай вошло! Тогда-то бы прямую мы узнали стихов сладость. в показание правильного пресечения всё тот же стих предлагаю.

Ум толь слабый плод трудов / краткия науки.

И понеже отдохнуть надлежит на пресечении, того ради речение, в котором находится пресечение, не долженствует соединено быть разумом сочинения грамматического с речением, которое начинает второе полстишие. Таковых недостаточных пресечений, которые соединяются с речением следующего полстишия, предлагаю я здесь примеры, каковым весьма не надобно следовать.

Предлог пред своим падежом:

Не зовем пииту чрез / рифму доброгласну.

Именительный пред личным глаголом:

Стихотворчеству нас бог / научает токмо.

Но хороший бы сей стих был тако:

Стихотворчеству нас бог / токмо научает.

Глагол личный пред именительным:

Стихотворчеством нашли / многи славу в людях.

Но изряден бы стих был тако:

Стихотворчеством нашли / в людях славу многи.

Глагол пред своим правимым падежом:

Ныне уж я не люблю / стихотворства стара.

Но хороший стих будет тако:

Стара уж я не люблю / ныне стихотворства.

Сие ж разумеется о наклонении неопределенном:

Невозможно и любить / стихотворства стара.

Стих будет совершен тако:

Стихотворства и любить / невозможно стара.

Прилагательное пред существительным:

Пресечением худый / стих быть может худший.

Но следующим бы образом был изряден:

Пресечением худый / быть стих может худший.

Существительное пред прилагательным:

О приятен много стих / гладкий слуху нежду.

Но изряден бы стих был тако:

Слуху нежду много стих / о приятен гладкий.

Здесь надлежит примечать, что в сем последнем случае существительное может разделено быть от своего прилагательного чрез пресечение, буде за тем прилагательным следует другое или третье, кончащее стих; так же и прилагательное изрядно разделится от своего существительного, когда другое или третье идет за тем существительным, оканчивающее же стих. Обоему сему пример полагаю.

Существительное от прилагательного:

Больше стóбит слов пример / ясный и способный.

Прилагательное от существительного:

Выше мудрость, неж драгий / алмаз и злато.

Сверх сего, разум, продолжающийся после пресечения, не долженствует кончиться пред концом стиха, понеже бы сие учинило видимо два пресечения

и, следовательно, три полстишия, что стих героический весьма обезображает и мерзким чудовищем делает. Например:

Добрый человек во всём / добрым есть всё; а злой
тщится пребывать в зле / всегда; бес есть такой.

Прибавление

Частица *что* ни в своем знаменовании, ни за возносительные *который*, *которая*, *которое* слогом пресечения быть не может. Например:

В своем знаменовании:

Можно ль уповать нам, что / ты всем будешь верен.

Прибавление

Стих будет хороший тако:

Можно ль уповать, что ты / всем нам будешь верен.

Завозносительные:

Я двором владею, что / всех у нас был общий.

Но изрядный стих будет тако:

Двор, что всем нам общий был, / тем один владею.

Правило IV

Стих героический не долженствует недоконченный свой разум переносить в часть токмо следующего стиха, понеже тогда рифма, которая наибольшую красоту наших стихов делает, не столь ясно чувствуется, и стихи не равно падают. Например:

Суетная чести стень! для тебя бывает
Многое здесь; но увь! всё смерть отнимает.

Однако ежели б разум продолжился до конца следующего стиха и с ним бы окончился, то перенос не будет порочен. Например:

Суетная чести стень! для тебя бывает
Многое, что на земли смерть нам отнимает.

П р а в и л о V

Стих героический для нужды больше двух слитий иметь не должен, ибо сие стих жестоким и неприятным чинит. Например:

Преподобный и святой / избранный и верный.

П р а в и л о VI

Стих героический часто одно письма и один слог неприятным и не сладким звоном повторяет. Того ради весьма сего опасаться надлежит. Например:

Мне всегда тогда туда / идти мзда беда худа.

П р а в и л о VII

Стих героический слогом пресечения соглашается дурно и некстати с слогом рифмы, ибо то чинит не один, но два стиха. Например:

Тварей бог есть всех отец: / тот бо всех есть творец.

П р а в и л о VIII

Стих героический весьма непристойно непосредственными слогами пред рифмою одним и тем же гóлоса звоном с нею падает. Например:

Мудрым человеку быть / хоть не скоро, споро.

П р а в и л о IX

Стих героический не красен и весьма прозаичен будет, ежели сладкого, приятного и легкого падения не возымеет. Сие падение в том состоит, когда всякая стопа, или, по крайней мере, большая часть стоп, первый свой слог долгий содержит, и когда одно письма и один слог часто не повторяется, наконец когда всякая стопа или большая часть стоп между собою связываются, чем стих от прозаичности, как я в определении осьмом упомянул, избавляется. в пример представляю многажды повторенный от меня стих князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, ибо сей стих весьма приятно всеми падает стопами:

Ѡ̄ тѡ̄тъ сл̄а̄ бѣ̄ плѡ̄д̄ трѣ̄ дѡ̄в / кр̄аткѣ̄ я̄н̄а̄ ѡ̄ж̄ѣ̄.

Для сего-то надлежит мерять стих героический стопами, а не слогами, как донныне наши многие стихотворцы неправильно поступают, а особливо веселые

бандуристы и нестройный полк песнолисцев: понеже меряя слогами весьма стих прозаичным, и не по охоте, учинится, разве по слепому случаю, как оный хорошим будет. А мерять стопами надлежит тако:

1		2		3		4			5		6	
—	—	—	⌒	—	⌒	—	—	⌒	⌒	⌒	—	⌒
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Ум	толь	сла	бый	плод	тру	дóв /	крат	ки	я	на	у	ки
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6
1		2		3			4		5		6	

Или как в образце следующего моего двустипшия:

1		2		3		4			5		6	
—	⌒	—	⌒	⌒	⌒	—	—	⌒	⌒	⌒	—	⌒
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Вы	ше	зла	то	се	реб	ра́ /	зла	та ж	доб	ро	де	тель,
Доб	ро	де	те	ли,	нич	то́: /	выс	ша	сам	со	де	тель.
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6
⌒	⌒	—	⌒	⌒	⌒	—	—	⌒	—	⌒	—	⌒
1		2		3		4			5		6	

Чрез сию схему выразуметь да и видеть можно, что наш героический стих есть эксаметр, то есть шестимерный, не считая слог пресечения долгий, для которого он гиперкатаlecticким, то есть лишний слог вне числа стоп имеющим, назваться может.

Что говорено о героическом нашем стихе, то ж всё разуметь надобно и о том нашем стихе, который одиннадцать имеет слогов, кроме того, что сей второй пресекает пятый слог и, следовательно, второе полстишие из шести ж слогов состоящее имеет. Но для того, что он пятью стопами мерится, то пентаметр, или пятимерный, назваться может. А что пресечения слог долгий же и вне числа стоп включает, то гиперкатаlecticким также назваться должен.

...

Напоследок, тем я за потребно рассудил окончить сей мой «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», что господин Боало Детро, лучший

стихотворец и славный сатирик французский, написал, сердясь на слагателей стихов своего народа, которые не знали в том ни складу ни ладу и которые думали (буде в конце одной строки напишут, например, *лавку*, а в конце другой приведут счастливо *булавку*), что стихи слагали, в одной речи, которую он стихами сочинил к государю своему Людовику XIV, королю французскому:

Mais je ne puis souffrir, qu'un esprit de travers,
qui pour rimer des mots, pense faire des vers.

То есть:

Не могу сего терпеть, кто, еще не кстати,
в рифму строки приводя, мнит стихи слагати.

http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0060-1.shtml

О ДРЕВНЕМ, СРЕДНЕМ И НОВОМ СТИХОТВОРЕНИИ РОССИЙСКОМ

Поэзия, как подражание естеству и как истине подобие, есть одна и та ж, по свойству своему, во всех веках и во всех местах у человеческого рода; но способ речи, или стих, коим обыкновенно изображается поэзия, находится многоразличен в различных народах. Есть сложение стихов, которое долготою и краткостию времени меряет слоги речений; есть, кое в ударении просодиею на слоги поставляет долготу оную, но уже возвышающую токмо слоги без протяжения, а неударяемые, или понижаемые пред первыми, называет краткими складами; есть иное, где нет ни первого, продолжением и сокращением меряющегося, слогов количества, ни последнего, называемого тóническим, да токмо есть в нем одно число складов, определенное каждому стиху порознь. Все вообще на разных языках стихи, иные не соглашают подобным звоном окончаний предыдущего стиха с последующим непосредственно; а иные таким равногласным звоном в согласие их приводят, что ныне называется рифмою. Но и сия самая рифма также в стихах различна: иногда она односложная, называемая мужескою; иногда двусложная женская; иногда и трисложная обоюдная, то есть ни женская, ни мужеская, или мужеская и женская совокупно. Из рифм, инде в стихах употребляется одна женская, инде одна ж мужеская; но инде женская и мужеская, или мужеская и женская по пременам, а сия точно премена и проиеновалась ныне сочетанием. Присовокупляется некогда к сочетанию сему в наших стихах и обоюдная оная рифма: ибо прозаические наши периоды сею тройственною разностию оканчиваются, хотя впрочем и чаще, и для нашего слуха мернее, двусложною стопою хорей.

О самом первом начале поэзии и стиха вообще предложили мы уже наше мнение в первом томике книжек, названных «Сочинениями и переводами», изданных в 1752 годе; и кажется, что не без вероятности некоторые. Здесь намерен я сообщить читателям историческое описание, касающееся особливо до российского нашего стихосложения, древнего, среднего и нового: так что к показанию и определению первобытного нашего сложения стихов послужит мне, за неимением надлежащих и достопамятных, оставшихся от древности нашея, образцов, одна только вероятность; но среднее и новое потщусь изъяснить, при всей возможной твердости, самую точную достоверностию.

Бесспорно, во всех человеческих обществах, от самых первоначальных древности, богослужители были первенствующими стихотворцами и владели стихами всюду, как законным и природным своим наследием. Стихами не только прославляли они божество, но и достоинство свое отменяли тем родом речи от общего и простого слова. Посему и наши языческие жрецы, без сомнения, такое же равно преимущество имели и были главные и лучшие в наших обществах слагатели стихов. Итак, способ, бывший у них обыкновенным в составлении стиха, долженствует быть самое древнее стихотворение наше. Но что за род был стиховного их того состава, ныне нам видеть достоверно не по чему. Не осталось нигде для нас, по крайней мере не известно нам всем поныне ни о самом малом образчике, оставшемся от языческого нашего стихотворения: истребило его наставшее благополучно христианство. Однако, можно весьма вероятно, и почитай достоверно, представить его здесь, воскресив в потомстве побочном пред наше зрение.

И вкратце, количество его слогов было тоническое, или, что то же, в одном ударении силами слогов состоящее. Стопы не всякого рода употребляемы были; но особенно господствовали в нем хорей или трохей, иамб и пиррихий, дактиль и анапест. Односложные слова почитались общими, то есть и долгими и короткими. Стихи были у них и большие и малые. Наконец, предыдущий стих не соглашался подобным звоном с последующим стихом: каждый один о себе стихом состоял от стоп. Словом, рифм они не имели.

Но чем я, спросится, толь прямо сие утверждаю? Неподозрительными, отвечаю, и живыми свидетелями. Простонародные наши и те самые древние песни сие точно свойство в стихосложении своем имеют. Я сему дал неопровергаемый показ, в примечании под чертою, помянутого мнения моего о начале поэзии и стиха. Народный состав стихов есть подлинный список с богослужительского:¹ доказывает сие греческий и римский народ; а могут доказать и все прочие, у коих стихи в употреблении. Воззрим же теперь на начало нашего христианства; видим мысленно сущую нужду его только то истребить у нас, что

¹ Сие и собственным нашим примером утверждается: ибо с двести лет, без мала, назад певали у нас в церкви на всенощных бдениях псалом 103 так, что по окончании речи, когда напев требовал гагакания до начатия другой речи, вместо гагакания оного употребляемы были незначащие слова, а именно сии: ай, нененай, ани, ну, унани. Равно и простой народ в некоторых своих песнях, и в подобном случае, такие же употреблял незначащие ничего слова: здунинай, найнай, здуни. Подлого народа употребление сие и ныне еще слышать всякому можно; но церковное оное старинное обыкновение видимо только и доднесь в Псалтири, печатанной в Вильне 1576 года, а хранящейся в императорской Академической библиотеке.

непосредственно до богослужения ложного касалось: на народные, гражданские и дружеские употребления не с толиким сначала ревнованием оно взирало. Так точно сие было в самой первенствующей церкви, от язычников еллинов обратившейся; так равно надлежало быть сему и в нашем первоначальном христианстве: обстоятельства проповедников и церковных дел того требовали.

Итак, многодельное тогда первое наше христианство, хотя искоренило все многобожные служения и песенные прославления мнимым богам и богиням, однако с пренебрежения, или за упражнениями, не коснулось к простонародным обыкновениям: оставило ему забаву общих увеселительных песен и с ними способ (совершенно во всем подобный богослужительскому, как то сие ниже подтверждено будет) сложения стихов. Сие точно и есть первородное и природное наше, с самых отдаленных древности, стихосложение, пребывающее и доднесь в простонародных, молодецких и других содержаниях песнях живо и цело.

Начавшееся у нас христианство, истребившее все идольские богослужения и уничтожившее вконец сплетенные песни стихами в похвалу идолам, лишило нас без мала на шестьсот лет богочтительного стихотворения. Пребывало двоюродное родство его токмо, чтоб так сказать, как в залоге, у самого одного простого народа, в подлых его песнях; и переходило от века в век не без престарения. и хотя ж христианство награждало нас духовными песнями по временам, благороднейшими языческими и по содержанию, и по сладости, и по душевной пользе, однако всех таких священных гимнов, стихир и двестиший² перевод нам предан прозою. От сего, сверх природной способности, вкоренилась между нами проза за единственный способ речи; а заключенное мерами и числами слово, то есть стихотворение оное важнейшее, совсем позабыто: ибо простонародное стихосложение, за подлость стихотворцев и материй, от честных и саном знаменитых людей презираемо было всеконечно; так что и поныне, но уже незнающие и суетно строптивные люди зазирают неосновательно, ежели кто народную старинную песню приведет токмо в свидетельство на письме, хотя и с извинением в необходимости, о первоначальном нашем стихотворении.

² Гимнов и стихир, прозою переведенных, исполнен есть наш весь церковный круг; но из премножества двестиший, переведенных прозою ж, первое да будет здесь в пример, надписанное над синаксарем Сырной недели.

Мир с родоначальники горько да восплачет,

Снедию сладкою падший с падшими.

А другое над синаксарем же, читаемым в субботу Ваий, или Лазареву:

Рыдаеши Иисусе, сие смертного существа;

Оживляеши друга твоего, сие божественныя крѣпости.

Пребывала таким образом наша церковь с X века³ по XVI включительно без стихов, собственно так называемых по составу, имея впрочем стихи, только ж в прозе. Наконец, 1581-го уже года, явились стихи впервые при Библии Острожской на нашем языке. Однако состав тех стихов есть во всем неисправный: недостаточна в них мера, недостаточно число, рифма недостаточна: все первоначальное, рукотворимое ль оно или производимое разумом, таково обыкновенно, по большей части, бывает.

И как в сих стихах находится рифма, то причина есть помышлять, с какого образца она в те стихи введена. Сие может быть, во-первых, сделано для разности с простонародными оными стихами, в коих не находилось и не находится у нас рифм. Так точно было в греческой и римской церквях с первоначальных христианских веков. Греки-христиане и римляне стихами своими хотели всеконечно разниться, одни например от Гомера язычника, а другие от Вергилия. Доказывают сие следующие святого Григория Назианзина стихи и многие многих других стихотворцев христианских в Греции, также и премногих латинских церковных. Я образцы их здесь представлю, чтоб всяк мог сии примерцы читать и, читая, слышать в стихах звон рифм.

θεοῦ δίδοντας, οὐδέν ἰσχύει φόνος;
Και μη δίδοντας, ὀνδέν ἰσχύει πόνος.⁴

А из римских христианских стихов в пример же:

Tu in caelo régnas, Deus,
Nunc factus es Natus meus;
Li li, Li li, Li li,
O! dilecte fili.⁵

Или второе, с образца общегосподствовавшего тогда. С готических времен, не знаю какой рассеялся повсюду, на западе и на востоке, толь сильный дух любления и склонности к рифмам, что не токмо так называемых живых языков

³ Одни пишут, что благоверный и равноапостольный, святой великий князь Владимир просветил Российскую землю крещением в 988 лето; а другие, что сие он в 996 лето по Христе совершил.

⁴ Когда бог подает, то никак не преодолевает зависть;

А когда не подает, то никакой труд есть не успешен.

⁵ Ты в небе царствуешь, бог,
Ныне ставший сыном моим;
Лю лю, Лю-лю, Лю-лю,
О! милое дитячко.

в стихах за нежную сладость и великолепное украшение почлись рифмы, но и степенные языки, греческий⁶ по превосходству и римский, не хотели быть, как то уже я объявил, без оных. Сие удивительнее еще, приятность рифм на концах стихов толь усладительна тогда стала казаться, что не довольно было двух рифм в двух стихах, соглашам был один и тот же стих двумя уже рифмами, одною в середине, а другою на конце. Доказывают сие стихи медическая салернитанская школы,⁷ заведшиеся в XI веке в Кассинском италийском монастыре (после, как некто Константин именем принес туда латинские медические книги, переведенные с арапских), а потом перенесенные оттуда в ближний город Салерн; доказывают и так называемые леонинские,⁸ каковы и в нынешнее недавнее время сподобились мы читать печатанные нашим языком не у нас в России, не без смеха впрочем внутреннего составу сему. Но что последнее, то уже толь странно, что и невероятно б всякому показалось, ежели б не мог я доказать предлагаемого примерами, взятыми из письменных русских поэмы о Страшном суде, не знаю кем сочиненная: так рифма почтена необходимою в стихах, что хотя б слово рифмы и ничего не значило и было б всеконечно поврежденное или нарочно вымышленное, а соглашалось бы только изрядно с рифмою предыдущего стиха, такое чудовищное слово не токмо не пренебрегаемо было, но еще и предпочитаемо в стихе для рифмы.

6 Греки прозвали такие стихи *политическими*, то есть простонародными: ибо у Исократы в «Эвагоре» чрез политические имена разумеются имена простонародные. Также и Гален написал (Περὶ τῶν, πολιτικῶν ὀνομάτων) о политических именах у Аристофана, Эвполида и Кратина; а чрез политические имена разумел он простонародные ж имена.

7 Каковы суть:

Caseus et panis sunt optima fercula sanis.

Сыр да хлеб, из даров, кушай всегда кто здоров.

Или:

Post coenam stabis, vel passus mille meabis.

Должно по кушанье стать, тысячью иль прошагать.

Или:

Permutant homines mores, cum dantur honores.

Нрава в премене есть, кто произойдет лишь в честь.

Или:

Corde stat infiato pauper, honore dato.

Подлый всяк напыщен, к чести когда приобщен.

8 Скалигер не знает, с чего и от кого названы такие стихи леонинскими. Некоторые причитают их пииту Льву, пятого века, о котором упоминает Фабриций в Греческой библиотеке, кн. 4, гл. 30. Другие приписывают их Льву IV папе римскому, коего житие описано от Палатины, а жил сей Лев в IX веке: он часть некоторую Рима хотел назвать Леонинскою от своего имени и сочинил несколько негодных гексаметров, надписанных над воротами той части Рима. Напоследок, иные полагают им начало во XII веке, а изобретателя Льва описывают монахом, бывшего в бенедиктинском чине.

ПРИМЕР I

1. Составы, кости трепещут,
и власы глав их клекещут.
2. Все и звезды наипаче
Чисти, светлзрачни в зраче.
3. Тако ж минует и протчих;
Огнь воссияет в горничих.
4. Но мирская красота,
Сила, слава, любота.
5. Оный ему есть светильник,
Троими враты входильник.
6. Все веселие духовно,
Всюду глас радости зовно.
7. Князь, княгиня, княжаны,
Воеводы, потентаны,
Военачальники мёрски,
Сухопутн, велик, малёрски.
8. Всем дадутся венцы драги,
Одежды златосветовлаги.
9. Благословенни получат,
Сирским язѣком возречат.
10. Потребно знать, из каких книг,
и кем сей собрася рифмиг.

Но как то ни есть, только ж в стихах, при Острожской оной Библии, употреблена рифма трисложная, двусложная и односложная по изволению: а сей состав стиха, когда исправился как в числе определенном слогов стиху, так в сечении на полстишия большіѣ стихов и в приложении одной двусложной всюду рифмы перешел от белорусцев и поляков в Малую Россию, а из Малыя к нам; да и пребывал у нас с 1663 до 1735 ровно 72 года, и есть точно оный, который я называю *средним*.

Тридцать восемь лет спустя после стихов при Острожской Библии, а именно в 1619 году, Мелетий Смотрицкий, монах Виленского братства, муж искусный в греческом и латинском языке, издал, при Грамматике своей славенской, совершенно различный состав стихосложения с тем, какой показала, как в опыток, Острожская Библия. Неизвестно, способ ли ему рифмический не понравился, или так он был влюблен в греческий древний и латинский способ стихосложения, что составил свой, для наших стихов, совсем греческий, и потому ж латинский. Впрочем удостоверяет, что сделал он сие, подражая Овидию римскому стихотворцу, который, по объявлению летописца Матфея Стриковского в 4 книге, навѣ, в ссылке своей у сарматских народов, славенскому языку⁹ и писал стихи сим языком, да еще и охотно, как говорят; а писал он не иначе, как токмо по римскому составу стихов.¹⁰

Сему примеру Смотрицкий последуя, сделал наши гласные и двугласные литеры иные с природы долгими, иные краткими, а иные общими; притом, ввел и так называемое положение гласных, пред двумя согласными литерами, долгое, а иногда общее, буде из согласных обоящящая, по его, литера положится напреду пред гласною, а таемая следовать имеет, как то сие делается у греков и у латин в стихах. Ввел он и стопы все греческие, а именно, спондея, пиррихия, трохея, или хорея, иамба; анапеста, амфибрахия, амфимакра, бакхия, палимбахия, трибрахия и тримакра. Предложил, наконец, и роды стихов больших и малых, гексаметров, или героических, пентаметров, или элегиаческих, гексаметров с пентаметрами,

9 Подлинно, Овидий сам о себе утверждает, в книге III от Понта, в элег. 2, что он «научился говорить в ссылке по-гетически и по-сарматски»: *Nam didici Getice Sarmaticeque loqui*. Но гетический и сарматский тогдашний язык был ли нынешний славенский?

10 О сем сам же Овидий свидетельствует в III книге от Понта, в 13 элегии, говоря: «Написал я гетическим языком книжку или свиточек, и сочинил нашим составом варварские слова... да и начал иметь имя пиита между бесчеловечными гетами.

... Scripsi Getico sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis
..... coepique Poetae
Inter inhumanos nomen habere Getas.

или героэлегических, иамбических, сафических, фалевтических, гликонических, хориамбических и асклеиадических. Представляю здесь в пример только гексаметр его и героэлегический стих; от сих всяк способен уразумеет состав и всех прочих, кто ведаёт греческое или латинское стихотворение.

ПРИМЕР ГЕКСАМЕТРОВ

Сарматски новорастныя мусы стопу первую,
Тщась Парнас во обитель вечну зяты,
Христе царю, прими; и благоволив тебе с отцем
И духом святым пети, учи российский
Род наш чистыми меры славенски имны.

Четвёртый и пятый стих в пятом месте имеют спондея, вместо обыкновенного дактиля; а спондей кладётся, у греков и у латин, в пятое место тогда, когда стихом тем или какая великая важность, или какое превосходство, или превеликая скорбь и печаль объявляется.

...

<http://rvb.ru/18vek/trediakovsky/01text/02theory/142.htm>

